

Из воспоминаний Лапиной М. М. о работе эвакуированных в Кемерово предприятий в годы войны. Июль 1966 г.

[...] Работала начальником смены цеха красителей, затем заместителем начальника цеха производств бэта-оксинафтойной кислоты и азотолов на Рубежанском химкомбинате Донецкой области.

[...] В 1941 году вместе с заводом эвакуировалась в Кемерово. [...]

Когда приехали в Кемерово, стали работать над восстановлением завода, в годы войны он назывался № 630, теперь анилино-красочным. Вначале /один год/ работала грузчиком: разгружали заводское оборудование, свинцовые слитки, кирпич. Затем была переведена химиком в центральную заводскую лабораторию, где готовила медикаменты, химикаты.

Затем стала работать заместителем начальника цеха № 5, одного из ведущих цехов завода.

Производство этого цеха ДМА /диметиланилин/ относится к числу вредных. До войны женщинам там, кроме лаборатории, работать не разрешалось. У нас же почти весь коллектив цеха был женский /процентов на 80-85/.

Порой в цех прибывали девушки, не достигшие 18-ти лет, так что их хлебные и продовольственные карточки, а также зарплату приходилось держать у себя в сейфе и выдавать им на два-три дня /дабы не потеряли/.

[...] Мужчин было мало: нач. цеха, дежурные слесари, два нач. смены – вот, пожалуй, и все.

В основном большом автоклавном отделении корпуса, включавшем в себя еще смесительное отделение и кочегарки, где приходилось иметь дело с очень вредными химическими продуктами и где аппараты работали под высоким давлением, самоотверженно, до самозабвения работали самые серьезные и расторопные девчата.

Вот Шура Шадрина и Таня Старченко. Обе высокие, стройные и красивые. У той и другой поразительно быстрые и уверенные движения, односложные ответы: «да», «знаю», «хорошо», «сделаю» и т.д. Ничего лишнего. Не до разговоров. Нужно приготовить смесь, загрузить в автоклав, разжечь топку и вести сложный автоклавный процесс.

А вот Клава Калмыкова. [...] Небольшого роста, наработавшись, стоит, обняв от усталости трубу автоклава, лицо в угле, блестят только глаза, и очень заметны торчащие в разные стороны две светлые косички с бантиками.

Она очень хорошо и четко работала. Но как уставала! Но разве она признается в этом?!

И если подойдешь и спросишь: «Ты устала, Клава», - она моментально встряхнется и, виновато улыбаясь, продолжает свою тяжелую работу.

Да, уставала она, уставали и другие девчата.

Ну а как же и не уставать!

От цеха до станции Правотомск нужно пройти 3 км, а проехав в переполненных вагонах 20 минут, снова добираться до дома. В цехе работали 12 часов. Вот и уходило у них на работу, баню и дорогу 15-16 часов.

И так каждый день. Отпусков в войну не было.

[...] На производстве в то время встречалось, естественно, немало трудностей. Не хватало труб, прокладок, сальников, почти отсутствовал медный слесарный инструмент, так необходимый в таких (взрывоопасных) цехах. Из-за отсутствия медного инструмента работники пожарной охраны не раз предписывали остановку цеха. Но разве можно останавливать? Ведь наш продукт так нужен. И тут находилось (ведь пожарные тоже хорошо понимали, что значит план) компромиссное решение.

Нам разрешалось производить слесарные работы железным инструментом, густо смазанным мазью... и под личную ответственность руководства цеха.

Нач. цеха направлял меня в автоклавное отделение, и я, бросив // (Л. боб.) все другие дела, сидела там, а если шел ремонт, то и часами смотрела за выполнением слесарями всех необходимых предосторожностей. Тут же выставлялся и пожарный пост.

Сколько волнений было, а вдруг.

А однажды в цехе случилась большая беда.

В 11 часов вечера я пошла домой, и когда уже подходила к проходной, увидела столовую в зареве пожара. Я обернулась, горело автоклавное отделение нашего цеха...

А в автоклавах спирт, и под высоким давлением.

На дежурстве в то время находился молодой мастер Молчанов – ему не более 18 лет. Вместе с пожарным, тоже молодым парнем, они стояли недалеко от аппаратов, направив пожарные рукава с водой в огонь. Перед этим, не растерявшись, Володя успел спустить давление со всех аппаратов через воздушные ...*

Быстро освободив аппаратуру цеха от спирта (по инструкции), вывели всех людей из цеха во двор завода, и тогда направилась в автоклавное отделение.

А там Володя с пожарным (как жаль, не помню его имя и фамилию) воевали с огнем.

Через 1-2 часа на паровозе приехал директор завода и гл. инженер, прибыло еще несколько пожарных команд.

До утра тушили огонь. А случилось вот что. Днище автоклава лопнуло, и спирт полился в топку.

Как установила комиссия, толщина днища немецкого автоклава оказалась на самом деле тоньше, нежели указывалось в чертежах.

* Одно слово неразборчиво.

Встал вопрос, как можно скорее отремонтировать автоклав, ведь мы должны были давать продукцию, и был дорог каждый час.

Главный энергетик завода Александр Сергеевич Самохин и механик правобережной группы цехов нашего завода Карп Кириллович Кашевец предложили заварить днище на месте без демонтажа автоклава.

На это долго не соглашался инженер по технике безопасности завода, и у него, конечно, для этого были серьезные основания. После долгих, горячих разговоров согласие было получено.

Всю ответственность за производство работ приняли на себя А. С. Самохин и я.

И вот, промыв тщательно аппаратуру во всех отделениях цеха, проветрив их, заземлив автоклав, подготовились к сварке. В автоклавном отделении находились гл. энергетик Александр Сергеевич Самохин, два сварщика и я. Все люди из цеха были выведены.

Подожли к автоклаву, мысленно представила себе 7-[летнюю] дочурку дома, а если?

Но думам предаваться некогда, и я подтянулась, увидев ободряющий взгляд нашего гл. энергетика. Обернулся сварщик, Александр Сергеевич кивнул. Работа началась.

И так до 4-х часов утра, в большом напряжении и волнении.

И разве можно было передать наше чувство радости, когда все было закончено.

Пожав друг другу руки, мы вышли из цеха.

Занималась заря.

День обещал быть хорошим. Вместе с Александром Сергеевичем мы поехали домой.

[...] Помню и такое. Однажды не пришлось идти домой, нужно было остаться в цехе. А на другой день соседка говорит: «Зашла к вам домой, дочка лежит закрытая всяким тряпьем, вода в бочке замерзла...» [...].

*ГКУ ГАК, ф. П-483, оп. 1, д. 208, л. 1-9. Подлинник. Машинопись и
рукопись.*